

Сэблетт К.

КРАСНЫЙ ПЕТУШОК

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Клиффорд Макклеллан Сэблетт

Красный Петушок

«Алгоритм»

до 1939 г.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Сэблетт К.

Красный Петушок / К. Сэблетт — «Алгоритм», до 1939
г. — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00208-1

Клиффорд Макклеллан Сэблетт (1887–1939) – американский писатель, потомок беженцев-гугенотов, которые были вынуждены покинуть Францию во времена правления Людовика XIV. Является автором нескольких историко-приключенческих романов, среди которых «Яркое лицо опасности», «Красный Петушок», «Рискованная поездка», «Золотая труба», «Охота новичка» и другие. События романа «Красный Петушок», представленного в данном томе, разворачиваются в середине XVI века во Франции, охваченной религиозными войнами. Главный герой повествования – гасконец Блез де Брео, прозванный из-за своего вспыльчивого характера Красным Петушком и умудрившийся по той же причине занять во Франции множество врагов. Он соглашается принять участие в экспедиции, организованной предводителем гугенотов адмиралом Колиньи, который задумал переселить своих сторонников в Америку, незадолго перед этим открытую Колумбом.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)

ISBN 978-5-501-00208-1

© Сэблетт К., до 1939 г.

© Алгоритм, до 1939 г.

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	27
Глава VIII	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Клиффорд Макклеллан Сэблетт

Красный Петушок

© ЗАО «Мир Книги Ритейл» оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Глава I

Я получаю прозвище

Прежде чем покинуть в одно ясное февральское утро гостиницу «Храбрый рыцарь», я спросил хозяина, каков кратчайший путь к дому адмирала де Колиньи, и получил от этого почтенного человека столько указаний, что, пройдя очень короткое расстояние, почувствовал, что потерял дорогу. Но я расспрашивал встречных и не терял поэтому надежды, что со временем достигну своей цели.

Я недавно приехал из Гаскони, и после небольших гасконских городов суэта и шум Парижа с его бесконечными улицами и переулками и толпами народу, занятого своими делами, пугали и в то же время интересовали меня. Кончина моего отца, последовавшая месяц тому назад, бесконечно огорчила меня, и я – последний из нашего бедного, но древнего рода – чувствовал себя одиноким. Все, что мне осталось, – это шпага и маленькое именье в Брео.

Я видел перед собой худое лицо отца, страдающего от старых ран, полученных им в войнах; вспоминал, как мы ходили или ездили с ним по крутым холмам нашей родины и он поучал меня законам войны и рыцарскому поведению, необходимому для дворянина. Я считал его лучшим рыцарем Франции, и мне с каждым днем все больше и больше недоставало его. Я рос в Брео одиноким, если не считать Бартоломея – старого нашего слуги, и до возвращения – три года тому назад – моего отца у меня не было ни родни, ни друзей, ни врагов во всем мире.

Эти мысли занимали меня всю дорогу.

На одном из перекрестков мне встретился толстый человек с черной повязкой на левом глазу. Я спросил у него дорогу к дому де Колиньи.

Он ответил не сразу, спокойно осмотрел меня своим единственным глазом с головы до ног – от черного петушиного пера на моем берете и нового ярко-красного шелкового платья до кожаных сапог того же оттенка – и, пристально разглядев художественную рукоятку шпаги моего отца, висевшей на поясе, поднял свой маленький черный глаз: в нем был слабый отблеск иронии, и еле заметная улыбка скользила на его толстых губах. Он низко, слишком низко поклонился мне и сказал:

– Если ваша светлость соблаговолит немного повернуть назад, я буду иметь честь указать нужный вам дом.

Я пристально посмотрел на него, подозрительно отнесясь к его преувеличенной вежливости, но в ней не было ничего оскорбительного. Он говорил мягким, вкрадчивым голосом; его громадное тело в вылинявшем синем платье неуклюже склонялось; очевидно, он хотел угодить. Но во всем этом сквозила какая-то неискренность, и я нетерпеливо отвернулся от него.

– Серый каменный дом, – продолжал он, взглянув на меня своим беспокойным взглядом, – у которого конюх держит оседланных лошадей, и есть дом адмирала де Колиньи; и он скоро удостоится посещения месье де Брео.

Услыхав свое имя, я, изумленный, резко обернулся, но успел только мельком увидеть его широкую спину и женственно покатые плечи, исчезающие за углом. Несмотря на тучность, он по-кошачьи, легко, двигался. Я стоял и смотрел на то место, где он исчез.

Идя дальше, я ломал голову, откуда этот толстяк знает мое имя, так как был уверен, что никогда его не видел. Однако, как только я стал подниматься по ступеням лестницы каменного дома, все это вылетело у меня из головы. Обширная зала была заполнена пестрой толпой: роскошно одетые придворные ходили под руку или разговаривали группами; несколько провин-

циалов – их легко было узнать по виду – жалось у стен: блестящее собрание стесняло их. Тут и там расхаживало несколько беспокойных, надменных дворян в поношенных дублетах; они двигались среди толпы дерзкие, нетерпеливые, седые, со свирепыми взглядами, с длинными шпагами, ударявшимися по их худым икрам – голодные, вечно ворчащие псы войны. Франция была полна ими.

Один из лакеев, стоявший у дверей, подошел и спросил, что мне нужно. Я ответил, что желаю видеть адмирала де Колиньи.

– Месье имеет приглашение? – спросил лакей. – Монсеньор принимает только тех, кому он заранее назначает.

Я отрицательно покачал головой.

– Тем не менее, – сказал я, – если вы доложите, что Блез де Брео из Гаскони просит аудиенции, я надеюсь, адмирал согласится принять меня.

Когда я назвал свое имя, господин, стоявший в нескольких шагах, обернулся и внимательно посмотрел на меня. Лакей сделал мне знак подождать, поднялся по широкой лестнице и исчез. Господин, так внимательно смотревший на меня, приблизился и поклонился. Это был высокий худой человек, весь в черном, с длинной шпагой в поношенных черных ножнах. Серьезное выражение его лица оживлялось искрящимися серо-стальными глазами, странно блестящими на его темном лице.

– Не родственник ли вы Жерве де Брео, который сражался во всех итальянских войнах под командой адмирала? – спросил он любезно глубоким и приятным голосом.

– Его сын, месье, – ответил я.

Его серьезное лицо сразу озарилось очаровательной, открытой улыбкой.

– Тогда, быть может, вы слышали обо мне? – сказал он. – Я Мартин Белькастель. Ваш отец...

– О да, месье, – прервал я его, – мой отец на своем смертном одре завещал мне разыскать вас. Он называл вас своим лучшим другом и лучшим воином Франции.

– Итак, мой старый товарищ умер? Очень жаль! Он был храбрым человеком, отлично владел шпагой и был хорошим товарищем.

Он вздохнул.

– Где вы остановились, юный Блез?

Я припомнил и назвал гостиницу «Храбрый рыцарь», что на улице Бюсси.

– Я там часто ужинаю, – сказал Белькастель. – У них хорошее испанское вино, и там готовят превосходные паштеты. Встретимся там сегодня вечером, там нашей беседе никто не помешает. Быть может, я сумею быть вам чем-нибудь полезным.

Я поблагодарил его, и он направился навстречу невысокому, плотному бородатому человеку, все движения которого изобличали в нем моряка.

В это время вернулся лакей и сообщил, что адмирал извиняется, но сегодня никак не может принять меня, так как он занят с месье Рибо, который сегодня же покидает Париж; но он назначает мне свидание на послезавтра в десять часов утра. Тут же он прибавил, что его господин просил уверить меня в своем сожалении по поводу того, что свидание откладывается, хотя и на короткое время, так как он прекрасно помнит моего отца и всегда чувствовал к нему большое расположение.

Я обещал явиться к адмиралу де Колиньи в назначенное время, не подозревая, что даю обещание, которое мне не суждено будет исполнить.

Проходя по комнате, я опять услышал имя Рибо и увидел шедшего по широкой лестнице вслед за лакеем черноволосого бородатого человека – знакомого Белькастеля, которого я принял за моряка.

Тогда я вспомнил, что Жан Рибо был во главе экспедиции, которая должна была на будущей неделе отплыть с гугенотами в Новый Свет.

Остаток дня я посвятил осмотру города; его особенности и своеобразие, его громадные размеры так увлекли меня, что я и не заметил, как наступила темнота. Поздно вечером я возвратился в гостиницу.

Общая комната в гостинице была переполнена, и слышен был шум голосов. За длинным столом в центре комнаты, тесно придвинувшись друг к другу, сидело трое. Они тихо разговаривали. Слуги были заняты посетителями.

За маленькими столиками вдоль стен сидело много народу; за одним из них я увидел Мартина Белькастеля, удобно расположившегося на скамейке, прислоненной к стене.

Я подошел к нему, и мы стали разговаривать. Во время разговора я заметил, что глаза Белькастеля, теперь холодные и пронзительные, были напряженно устремлены на группу из троих, сидевших в центре комнаты, и что некоторые из посетителей за другими столиками смеялись на неслышные нам замечания этой группы, в то время как другие бросали на них мрачные, хмурые взгляды.

Как раз в это время новое лицо появилось на сцене, и, к своему удивлению, я увидел того самого толстяка, которого встретил сегодня утром. Он прошел комнату тем быстрым и легким шагом, который так изумил меня при утренней встрече, и я могу поклясться, что он тихонько что-то сказал сидевшим за центральным столом, проходя мимо них в кухню.

Я вскочил с намерением спросить его, откуда он знает мое имя, но он уже исчез в дверях, и я сел, продолжая недоумевать, кто бы это мог быть.

– Болезнь и кончина Жерве объясняют мне, почему я так долго не имел от него известий, – прервал мои мысли Белькастель. – Я часто собирался разыскать его, но у меня есть дело, с которым мне прежде всего надо покончить. Честь моего рода требует этого.

Глаза его стали жесткими при взгляде на людей, за которыми он следил.

– Расскажите мне, Блез, как умер ваш отец.

Я стал рассказывать; описал три счастливых года, проведенных с отцом после его возвращения с войны, потом постепенное, но неуклонное падение его сил, мои опасения за его здоровье.

– Последний месяц его жизни, – заключил я, – он часто искал уединения, прогуливаясь в самых отдаленных местах Брео, точно желая на них наглядеться. Я уверен, что он знал о близости смерти, потому что однажды ночью я нашел его со свечой в руках в дверях оружейной. Он смотрел на висевший над дверью шлем Жана де Брео, основателя нашего рода.

Я наткнулся на него случайно и услышал произнесенную им фразу: «Это годится, я думаю». Мне казалось, что он бредил...

Громкий разговор одного из троих, сидевших в центре комнаты, прервал мой рассказ. Это был крепко сложенный человек лет сорока с жесткими глазами и темной бородой лопатой.

– Черт возьми! – кричал он. – Зачем все эти разговоры о средствах и способах? Это только болтовня, клянусь Богом! Ведь шпаги у нас есть – и достаточно! Давайте уничтожим этих проклятых упорных еретиков и покончим с этим. Подонки Франции – от Конде и Колиньи до самых низких...

Я поднялся, схватившись за шпагу, но Мартин Белькастель уже опередил меня. Он быстро встал и мигом очутился у стола, за которым сидел бородатый и его товарищи. Они так же быстро вскочили на ноги.

– Если месье, – начал спокойным голосом Белькастель, – прекратит свой бычий рев, то я буду иметь удовольствие назначить время и место, где он сумеет начать уничтожение, о котором он упоминал...

– А вы кто? – заносчиво спросил бородатый.

– Мартин Белькастель к вашим услугам, месье де Таванна.

В комнате на мгновение наступила тишина. Разгоряченное лицо бородатого заметно побледнело. И он отступил на шаг.

– Никто из Таванна никогда не отказывался от таких обязанностей, милостивый государь! – крикнул он, быстро овладев собою и выпрямившись во весь рост. – Время – завтра на рассвете, а место... – Он остановился, как бы обдумывая, потом продолжил: – Небольшой обнесенный стеной парк в конце этой улицы. Месье, быть может, знает?

– О, хорошо знаю, – ответил Белькастель спокойно. – Я часто умирал там буянов Франсуа де Гиза. Это место спокойное, нам не помешают. Итак, завтра на рассвете.

– На рассвете я всецело к вашим услугам, – подтвердил Таванна.

Голос его был довольно тверд, но слышались тревожные нотки, как будто он попал в капкан и не знает, как из него выбраться.

– А вы, месье, – спросил я высокого человека, стоявшего возле бородатого, – не того же ли вы, случайно, мнения, что и ваш друг? Если да, мне доставит большое удовольствие научить вас уважать «упорных». То же самое время и место, месье?

Он сделал шаг вперед и стал свирепо разглядывать меня.

– О, проклятый выскочка, я перережу твое горло! Я...

Он задыхался от бешенства. Безобразный длинный белый шрам на его щеке особенно резко выделялся на пылающем лице.

За моей спиной раздался тихий смешок, и, обернувшись, я увидел огромную фигуру таинственного незнакомца с черной повязкой на глазу. Иронически улыбаясь, он поклонился мне, но я вновь повернулся к нему спиной. В это время вскочил третий из компании бородатого. Это был человек лет тридцати, нагло-красивый, с холодными голубыми глазами и рыжей бородкой.

– Дайте его мне, Луи! – крикнул он. – У меня сильное желание подрезать шпоры этому Красному Петушку.

– Нет, Анри...

Высокий человек повернулся ко мне:

– Простите, я урегулирую это дело с моим другом.

– Я не позволю так с собой обращаться! – вскричал я горячо. – Сначала этот, – указал я на человека со шрамом, – потом вы. Небольшой парк, указанный месье Белькастель, на рассвете. Это удовлетворит вас?

На этом порешили. Мы обменялись именами. Человек со шрамом был Луи де Марсей, а помоложе – Анри де Танкерей.

Мы с Мартином Белькастелем возвратились к своим местам у стены; наши враги оставили гостиницу.

Мартин весело поглядывал на меня через стол. На его спокойном лице появилась улыбка, перешедшая в подавленный смех.

– Этот молодой де Танкерей, – заметил он немного погодя, – довольно метко определил вас, а? Красный Петушок! Забавно, не правда ли?

– В каком отношении, месье Белькастель? – спросил я сухо.

Мне казалось, что в его тоне звучала легкая насмешка.

– Петушок, мой мальчик, как всем известно, не отличается здравым смыслом. Он жаждет сражаться со всем птичьим двором, как и вы готовы драться со всем миром. Я, собственно, должен был этого ожидать – вы выкроены по старому образцу. Ваш отец никогда никому не давал превзойти себя на поле чести.

Сердечные отзывы Мартина Белькастеля о моем отце сгладили язвительность его замечаний;

Пришедший слуга поставил перед нами обед, и мы молчаливо принялись за еду. В это время передо мной вдруг неожиданно выплыл образ толстого человека с черной повязкой на глазу.

Я посмотрел кругом, но его не было видно. Он производил на меня впечатление злого духа, заключенного в мясную тушу.

Когда мы покончили с едой, Мартин Белькастель стал шутливо говорить о предстоящем на рассвете деле и рассказал кое-что о тройке, с которой мы должны были встретиться. Все они, по его словам, отчаянные и опасные люди, в особенности де Танкерей, любимец Франсуа де Гиза. «Убить его, – говорил он, – было бы несчастьем; это значит – получить темной ночью нож в спину». Белькастель осведомился, насколько я опытен в фехтовании, но, узнав, что этому искусству обучал меня мой отец, был вполне удовлетворен.

Наконец мы расстались, и он обещал зайти за мной в назначенное время.

Глава II

Поединок

Холодный, серый свет наступавшего утра проник в мою комнату, когда я стал одеваться. Гостиница была объята сном. Взяв шпагу и кинжал, я стал спускаться по лестнице, стараясь по возможности не шуметь. Было морозно, все было покрыто инеем, и я вынужден был шагать побыстрее, чтобы согреться. Через некоторое время я увидел Мартина Белькастеля, спускавшегося по улице Бюсси со шпагой в руках. Он шел неторопливой походкой, как будто направлялся по самому обыкновенному делу. При виде его спокойного, энергичного лица я оживился и тепло ответил на его веселое приветствие.

Мы вместе продолжали путь по улице Бюсси рука об руку, спокойной походкой мимо домов, выступавших в свете приближающегося утра, и меня охватило радостное чувство при мысли о предстоящем поединке и о дружеском расположении этого хладнокровного, спокойного человека, шагавшего рядом со мною. Белькастель заметил, что нам предстоит опасное дело, и старался доказать мне, что эти люди далеко не такие, какими я, человек неопытный, из хорошей семьи и сын храброго отца, мог бы их себе представить. «Нам, быть может, – говорил он, – придется иметь дело с непредвиденным, и мы должны быть настороже, так как эти забияки считают добрым делом, не стесняясь, честным или нечестным путем, убить протестанта».

В это время мы подошли к небольшому парку, который, будучи в летнее время изумрудом среди городской грязи, теперь стоял без листьев, в зимней одежде. Мы прокладывали себе дорогу сквозь густые кустарники по направлению к лужайке в центре ограды. Место было пустынное, и Мартин Белькастель стал осматривать густые кусты, окружавшие центральную площадку.

Через несколько минут на дороге, ведущей от ворот, показались наши три героя. Они молча поклонились. Лопатобородый и де Марсей сразу стали снимать свои дублеты, Мартин и я ограничились лишь снятием манжет (инстинктивно мы не сняли дублетов). Уже было достаточно светло, чтобы приступить к делу, но короткая сухая трава, густо покрытая инеем, делала дорожку очень скользкой. Де Марсей посмотрел на нее и покачал головой. Без дублета он выглядел менее грозным; длинный шрам на его лице был не так заметен, и его тело было стройнее, чем я ожидал. Лопатобородый, стоявший впереди со шпагой и кинжалом, представлял собою поистине великолепную фигуру: его сильные руки казались вылитыми из стали, широкая грудь была покрыта жесткими черными волосами, а свирепые глаза ярко горели из-под нахмуренных бровей.

Я обнажил шпагу и кинжал и ждал.

– Слово за мною, господи? – спросил Мартин спокойно, как на параде.

Я дрожал от нетерпения скорее начать.

Лопатобородый кивнул, и на его лице появилась фальшивая, презрительная улыбка. Я двинулся на шаг вперед, чтобы встретиться с де Марсеем.

– Защищайтесь, господи! – раздался среди тишины резкий голос Белькастеля.

Мгновенно раздался острый звук стали при скрещении наших шпаг, топот и шарканье движущихся ног. Де Марсей свирепо атаковал меня, глаза его сверкали; очевидно, вчерашняя моя самонадеянность распалила его кровь, и он намеревался быстро покончить со мной. Скрещенье, отражение, нападение, отражение и снова нападение. Мы кружились, двигались вперед, отступали, ударяли рукоятку о рукоятку. Я осторожно действовал на скользкой почве, нащупывая противника в надежде найти его слабое место; долгое время я ничего не мог сделать: этот человек был силен, как бык, и осторожен. Наконец, его неудача в получении преимущества надо мною так разъярила его, что он, отбросив всякую осторожность, набросился на меня,

как тигр. Я был вынужден без передышки защищаться от бесчисленных ударов, наносимых им с большой быстротой; однако бешенство его стало оказывать свое действие: пот градом катился с него, он с трудом переводил дыхание, и я решил, что теперь время мне перейти в наступление. Где-то позади прозвучал спокойный, как всегда, голос Белькастеля:

– А теперь, месье, готовьтесь к смерти. Я убью вас, как вы убили моего брата два года тому назад. Вам осталась минута жизни.

И через некоторое время:

– Вот тебе, получай, собака!

Послышалось ужасное хрипение умирающего.

В это время я поскользнулся и упал на одно колено. Лезвие де Марсея скользнуло по моему телу, и я сразу почувствовал жгучую боль в левом плече. Мой противник, подобно волку, оскалил зубы, но я успел приподняться и вонзить ему шпагу в плечо. Улыбка исчезла с его лица, он упал навзничь, издавая проклятия сквозь стиснутые зубы.

В это время раздался резкий крик:

– Ко мне, мои храбрецы, ко мне!

Налево от себя я увидел де Танкерей со шпагой в руке, который, подобно бешеному быку, мчался прямо на меня. Глаза его пылали ненавистью. Позади него у высокой стены зашевелились люди.

– Измена! К врагам, Блез! – вскричал Мартин Белькастель.

Но де Танкерей был уже возле меня.

Он яростно набросился на меня. Мне удалось увернуться, и я стал нападать на него. Не успел он опомниться, как я вонзил ему шпагу в живот и помчался к воротам. Позади по мерзлой земле слышен был топот преследующих нас ног, впереди бежал Белькастель.

У ворот я чуть не сшиб с ног огромного человека в черном плаще. Лицо его было скрыто под большой черной шляпой. Он быстро отодвинулся в сторону, но я успел заметить иронический блеск его единственного глаза. Эта неожиданная встреча с моим неизвестным врагом вызвала дрожь от предчувствия какой-то неведомой опасности.

Однако раздумывать было некогда. Бог мой, как мы бежали!

Наконец Мартин замедлил шаги, и я догнал его.

– Следуйте за мной! – крикнул он и побежал еще быстрее, так что мне было довольно трудно поспевать за ним.

Мы быстро пробежали мимо гостиницы «Храбрый рыцарь», чуть не опрокинули сонного привратника, подметавшего порог. Позади слышны были голоса преследователей.

Белькастель молча повернул направо по узкой дорожке между двумя высокими домами, а через минуту мы кружились по лабиринту узких переулков, загрязненных гнилыми отбросами. Наконец Мартин Белькастель остановился перед небольшой деревянной дверью, обитой большими железными гвоздями и запертой громадным замком кованого железа. Быстро вынутым из-под дублета ключом Белькастель открыл замок, и мы очутились в садике позади большого дома. Вдали слышны были голоса наших врагов, перекликавшихся в лабиринте дорожек и переулков.

– Зараза! – заметил печально Мартин, осматривая наши сапоги и брюки, забрызганные скверно пахнувшей грязью.

Он стал прислушиваться к крикам преследователей, которые мало-помалу приближались к нам.

– Канальи! Они разбудят всю окрестность. Идем – лучше скроемся из виду.

Мы вошли в заднюю дверь, прошли короткий мрачный коридор и по лестнице поднялись в переднюю. Здесь Мартин открыл дверь, и мы вошли в большую, хорошо меблированную комнату, где лакей, стоя на коленях, чистил сапоги.

Лучи бледного зимнего солнца струились сквозь высокие окна, завешанные полинявшими красными драпри, и я различил несколько больших старых стульев, кровать, годную для великана, и массивный стол, украшенный великолепной резьбой; через открытую дверь виден был угол небольшой комнаты, где стояла узкая кровать.

– Вот это мое жилище, Блез, – сказал Мартин со своей привлекательной улыбкой. – Этого вполне достаточно для моих скромных требований. Садитесь, молодой человек, и... Но, черт возьми! Вы так бледны! Снимай с него дублет, Николай, – сказал он своему слуге, который поднялся и почтительно стоял в стороне.

Я сел на подставленный мне Николаем стул и только теперь почувствовал слабость. Мое плечо кровоточило. Когда дублет и сорочка были сняты, Белькастель осмотрел рану и заметил своим сухим голосом, что рана довольно скверная, но он все-таки надеется, что она скоро заживет и, пожалуй, не оставит никакого следа, о чем я в тот момент искренне пожалел.

– А недурная была работа! – продолжал он после того, как, перевязав мое плечо, набросил на меня спальный костюм и дал Николаю почистить наши одежды.

– Довольно горячая, месье, особенно последние минуты, – ответил я.

– Нет, Блез, никаких «месье» между товарищами, которые вместе обнажали шпаги. Называйте меня Мартином. В конце концов я всего только вдвое старше вас. Принимая во внимание вашу молодость, вы отлично владеете шпагой, и сегодня утром вы снискали мое уважение. Де Марсей – один из умнейших дуэлянтов в Париже. Впрочем, он неплохой человек, у меня нет большого желания видеть его мертвым.

– А лопатобородый, Мартин? Я говорю о Таванна.

Лицо его стало жестким:

– А, Таванна! Он предательски убил моего брата, и я до этой ночи безуспешно охотился за ним более двух лет. Если есть правосудие после смерти, то душа его будет жариться в самой горячей части ада. Теперь, наконец, мой брат отомщен! Не стану перед вами скрывать, Блез, грозящей нам опасности: мы убили двоих слуг Франсуа де Балафре, а герцог де Гиз хороший начальник – он отомстит, если сумеет. Кричать об этой схватке они не станут, но кинжал в спину темной ночью они воткнут или сгноят в грязной темнице. Черт возьми, я предпочитаю кинжал!

– Они не испугают меня... – начал я пылко.

Но Мартин иронически улыбнулся, и я замолчал.

– Блез, Блез! Вам нет надобности уверять меня в своей храбрости. Но мы так же рассудительны, как и храбры, не правда ли? Зачем нашим бедным головам лезть в пасть льва без надобности? Давайте исчезнем, а? На несколько месяцев. К тому времени все может измениться, и Франсуа де Гиз, быть может, к нашему возвращению будет ужинать вместе со своим господином-дьяволом.

– Но, Мартин, – возразил я, – во Франции те, кого разыскивают могущественные люди, не исчезают так легко – их находят. У льва длинные лапы.

– Это верно, Блез. Во Франции мы не могли бы жить; мы попали бы скоро в руки Франсуа де Гиза и были бы раздавлены и выброшены, как игрушки. На сей раз нас спасет не острая шпага, а проницательный ум. Благоразумие очень ценится мудрецами. Оставим Францию, исчезнем в океане!

– А... – сказал я нерешительно. – Это идея! Вы думаете...

– Именно это. Мой старый друг, Жан Рибо... Вы его, наверно, видели вчера у де Колиньи...

– О да, это тот смуглый моряк?.. – пробормотал я.

– Да. Через три дня он отплывает из Гавра в Новый Свет с тремя судами. Он берет с собою мастеровых, солдат, земледельцев, а также дворян; все они гугеноты. План де Колиньи таков – образовать отчизну для преследуемой веры в дикой стране и завладеть этой страной

именем его величества Карла Девятого. Высадив эту партию на берег, Жан Рибо возвратится во Францию за разными припасами, с которыми отправится обратно в Новый Свет. Итак, пока мы возвратимся во Францию, пройдет не меньше года, и за это время мы увидим много необыкновенных и чудесных вещей в этой дикой стране, а главное, мы будем забыты человеком со шрамом. Неплохой план, а?

– Неплохой, но и невыполнимый, так как нас не приглашали совершить это путешествие, – ответил я иронически.

Мартин Белькастель громко засмеялся:

– Здесь как раз удача, Блез! Я забыл сказать вам, что Рибо предложил мне сопровождать его, и я уверен, что сумею устроить также и вас. Предоставьте это мне. Что вы на это скажете? Вы согласны?

Я ответил не сразу. Размышляя, я стал вспоминать, что у меня нет ничего такого, что могло бы меня удержать во Франции, что мое небольшое имение в Брео находится в надежных руках, что я совершенно одинок; погибнуть же от меча убийцы не входило в мои планы, а путешествие сулило новые, необыкновенные переживания.

– Вы правы, Мартин, – воскликнул я, – это очень интересное предложение! Я отправлюсь с вами во что бы то ни стало!

Глава III «Тринити»

В ответ на мое согласие отправиться вместе с ним Мартин горячо обнял меня и распорядился принести вина. Мы пили за наши успехи, которые должны быть, как заметил Мартин, так как мы родились под счастливой звездой, иначе мы не сидели бы теперь здесь.

Он уселся поудобнее в большом кресле, собираясь обсудить, как лучше осуществить наше намерение.

– Мы должны ехать сегодня же ночью, – сказал он после длительного молчания. – Я пошлю Николая уплатить по вашему счету и забрать вещи из гостиницы. Вы пошлите записку хозяину, и, пожалуй, будет лучше, если дадите список своих вещей, чтобы быть уверенным, что все получили.

Я написал записку, и Николай отправился за моей лошадью и сумкой со скудным моим имуществом.

Мартин полагал, что Рибо будет в Гавре в гостинице «Великий моряк» в следующую ночь и отплывет утром. Поэтому было бы хорошо успеть в эту ночь сделать лье двадцать из тридцати пяти до Гавра. Это дало бы нам возможность поспать в течение дня.

Приход Николая с моими вещами прервал рассуждения Мартина. Николай, по-видимому, был полон новостей. Он рассказал, как отыскал хозяина и уплатил ему по счету; потом он вместе с хозяином зашел в мою комнату, где мои вещи оказались в большом беспорядке. Как уверял Николай, хозяин был этим очень смущен. Они складывали мои вещи, и хозяин все время горевал о случившемся, боясь, что это может повредить доброму имени его гостиницы.

– Горничная, – продолжал рассказывать Николай, – вспомнила, что какой-то толстый человек в черной одежде с одним глазом (второй был закрыт черной повязкой) громко стучал рано утром в дверь молодого месье, причем, по ее мнению, он навряд ли мог быть его другом.

– Дьявол! – вырвалось у меня. – Мое терпение начинает истощаться. Что за наглая и таинственная личность – этот жирный субъект!

Я рассказал Мартину о моих встречах с этим человеком, но он ничего о нем не знал и был так же заинтригован, как и я.

– Во всяком случае, – заметил он, – эту загадку мы не можем разрешить сейчас, так как сегодня же ночью оставляем Париж.

Между тем Николай продолжал докладывать своим ровным, монотонным голосом, что вещи мои все в целости, что лошадь он привел окольными путями и поставил в конюшню вместе с лошадью своего господина, что какие-то два человека спрашивали о месье де Брео и, узнав, что его нет в гостинице, пошли по улице Бюсси, причем один из них заметил другому, что птичка улетела и бесполезно ее искать.

Я слушал его рассеянно, мысли мои были заняты тем странным и непонятным для меня интересом, который проявлял толстый незнакомец по отношению ко мне.

«Какие у него были мотивы, – думал я, – что значила его презрительная ирония?»

И я решил при первой же возможности добиться от него объяснений.

Мартин Белькастль ввиду предстоящего долгого отсутствия был занят большую часть дня приведением в порядок своих дел. Он написал два письма, что удалось ему, по-видимому, с большим трудом, так как его мускулистые руки были приспособлены больше для шпаги, чем для пера.

После легкого обеда, приготовленного Николаем, я поставил свой стул к узкому, высокому окну и стал наблюдать уличную жизнь: мальчишки мясных, бакалейных лавочек с улицы

де Ломбард, грумы, лакеи и много другого народу сновало туда и обратно, все куда-то торопились, все были заняты своими делами.

Однако это мне скоро надоело, и, откинувшись на спинку стула, я стал созерцать тонкую полоску неба, видневшуюся над крышами домов. Солнце давно уже исчезло за серыми тучами, и темное, хмурое небо указывало на приближение ночи. Время тянулось медленно. Вдруг я услышал где-то вблизи голоса. Я выглянул из окна в соседний сад.

Две дамы гуляли взад и вперед по вымощенной камнем дорожке, которая вела от одного до другого конца небольшой ограды. Одна из них, довольно полная, была, без сомнения, компаньонкой или горничной. Но зато вторая!

Как страстно мне захотелось очутиться в этом саду! Как возненавидел я события сегодняшнего утра, заставившие меня прятаться! На ней был длинный синий плащ, из-под которого во время ходьбы выглядывали маленькие ножки. Она была печальна и молчалива, компаньонка же не переставала болтать. Очевидно, напряженность моего взгляда заставила молодую девушку поднять свою гордую головку и посмотреть на окно, у которого я сидел, и я застыл, как олух, никогда не видавший женщин. И правда, такой я еще никогда не видел: гасконские девушки не могли с ней сравниться. На один миг наши глаза встретились, и дрожь пронизала меня до мозга костей. Вид мой, должно быть, рассмешил ее, потому что она слегка улыбнулась.

Вскоре они удалились в дом, но, поднимаясь по лестнице, она обернулась и снова посмотрела на мое окно, и я на одно мгновение ясно увидел ее прелестное, нежное лицо на стройной, круглой шейке. С этой минуты мое сердце было потеряно.

Посмотрев по направлению стола, где Мартин трудился над своим писанием, я заметил устремленный на меня его задумчивый взгляд. Робким голосом, боясь его насмешек, я спросил, кто живет по соседству.

– Граф де ла Коста, – ответил он с легкой насмешкой в глазах, – а молодая леди, – прибавил он, – его племянница, мадемуазель де ла Коста.

– Она очень хороша, – мог я только произнести, смущенный догадливостью Мартина.

Мартин засмеялся.

– Такого мнения все молодые люди, – ответил он. – Она пользуется большим успехом в Париже, но никто еще не добился ее внимания, включая и молодого Роджера де Меррилака, чьи поместья находятся вблизи поместий ее отца. Говорят, она выйдет замуж только по любви. Де ла Коста богатый и могущественный род. Не устремляйте по этому направлению своих взоров, мой милый Блез, – это приведет только к разочарованию.

– Я не буду направлять своих взоров ни в каком направлении некоторое время, – заметил я угрюмо, – разве только на девушек дикарей в Новом Свете.

– Однако не приходите в отчаяние, – заметил Мартин. – Де ла Коста, отец молодой леди, один из наших приверженцев, намерен поселиться в Новом Свете, как только колония успешно обоснуется там. Я имею эти сведения от его брата, которого я уже знаю много лет. Таким образом, вы будете иметь удобный случай испытать свое счастье в этом направлении, если это вам так приятно.

После этого Мартин вернулся к своему писанию, а я к своим размышлениям.

Я сидел откинувшись на спинку стула, погруженный в тяжелые думы; день сразу показался мне еще более мрачным, и я искренне проклинал свое решение пуститься в этот далекий, неведомый путь; у меня уже не было желания увидеть этот Новый Свет, по-видимому бесплодное и бесполезное место; теперь мне хотелось оставаться во Франции. В этих мрачных и противоречивых мыслях я провел остаток дня.

Наконец стемнело, и мы пустились в путь. Мартин Белькастель и я – бок о бок, Николай позади нас. Мы ехали молча по улицам города, делая бесчисленные повороты и изгибы по кривым переулкам. Небо было пасмурно, непроницаемая темнота окутывала нас, и я удивлялся той уверенности, с какой мой товарищ пробирался по запутанным поворотам узких улиц. Для

наблюдателя со стороны мы должны были казаться заговорщиками, скрывающимися после каких-нибудь дурных дел; закутанные от холода в тяжелые плащи, со шляпами, надвинутыми на самый лоб, мы действительно могли показаться таинственными и преступными личностями.

Минуя разбросанные окрестности города и выйдя на широкую большую дорогу на запад, мы попали под холодный мелкий дождь. Я не переставал думать о молодой девушке, которую видел в саду, и в конце концов почувствовал раздражение против своего друга, против Нового Света, против путешествия – против жизни вообще. В таком настроении я ехал всю ночь под звуки скрипящей кожи седла, под шум дождя и стон ветра в оголенных ветвях высоких деревьев, тянувшихся вдоль всей дороги. Наконец в тумане холодного рассвета мы очутились перед бледными очертаниями фасада уединенной гостиницы без вывески. С большим трудом нам удалось разбудить хозяина, странного, отталкивающего вида человека, который с мрачным молчанием устроил нас. Готовясь лечь в постель, я вспомнил, что на это утро мне назначено было свидание с адмиралом де Колиньи, которое теперь отложится на неопределенное время.

Я проснулся, разбуженный тормошившим меня Мартином, который сказал своим серьезным тоном:

– Чистая совесть, а? Вы спите, как Семь Спящих Дев, Блез, или как старый Барбаросса. Солнце уже садится, вечер будет ясный. Пора вставать.

После сытного обеда мы отправились вновь в путь в хорошем расположении духа. В эту лунную ночь мы ехали спокойно, без всяких приключений, и рассвет застал нас въезжавшими в Гавр. Дорога вела вдоль Сены, и лучи восходящего солнца спускались над ее широким устьем.

Гребни волн ярко сверкали в золотых лучах, отраженных от высокой, с зубчатыми башнями кормы величественного судна, направлявшегося к гавани. Его корма была ярко позолочена, а бесчисленные окна и амбразуры производили впечатление замка, построенного на воде. За ним шли два небольших судна, в сравнении с которыми первое казалось гигантом.

Я заметил это Мартину и получил сухой ответ, что судно вмещает всего сто пятьдесят тонн.

– Это «Тринити», – прибавил он, – флагманское судно капитана Рибо.

Это сообщение возбудило еще больший интерес к судну, и, когда мы очутились рядом с ним, я заметил некоторые детали: низкий шкафут, высокий нос и небольшую зубчатую башню. Несмотря на пренебрежительный отзыв Мартина, «Тринити» мне показалось великолепным судном, и я наблюдал за ним, пока мы не повернули от порта в кривые улицы города.

Глава IV

Путешественники в неизвестность

В эту ночь в гостинице «Великий моряк» мы встретились с Жаном Рибо, и все устроилось так, как и предсказывал Мартин.

Капитан Рибо был прямой, словоохотливый человек с мужественным, открытым лицом. Он приветствовал меня и уверил, что нуждается в людях, хорошо владеющих шпагой, каковым я – сын известного ему лично отца – должен быть. Он восхищался моим поведением во время дуэли, о которой ему рассказал Мартин. Когда мы оставили гостиницу, он предупредил нас, что мы обязаны быть на шлюпке на следующий день, сейчас же после восхода солнца.

Рано утром мы уже были готовы. День обещал быть ясным. Перед тем как мы направились к гавани, пришел Николай для получения последних распоряжений от своего господина. Глаза его были печальны, хотя лицо оставалось тупым, как всегда. Мартин дружески простился с ним и щедро его одарил. Он сказал ему, что через год мы вернемся обратно, если только нас не убьют в той дикой стране, куда мы теперь направляемся.

– О, месье Мартин, этого никогда не может быть, – сказал Николай своим монотонным голосом, высказывая этим свою наивную веру в силы своего господина.

Когда Николай стал спускаться по улице с нашими лошадьми, а затем и совсем скрылся от нас, для нас как бы исчезла вместе с ним последняя связь со старой жизнью. Мы стали свободными странниками вокруг света.

– Я буду чувствовать его отсутствие, – прервал Мартин мои размышления. – В течение двадцати лет он был мне искренне предан.

У мола нас уже ожидала шлюпка, и вскоре мы очутились на борту судна. Наверху лестницы в низком шкафуте мы нашли капитана Рибо, который принял нас любезно и указал нам каюту на корме судна. Он представил нам команду судна, включая и тех, кто добровольно сопровождал эту экспедицию. Между последними находился Роне де Лодоньер – человек хорошего сложения с красноватым лицом, слывшим опытным и способным мореплавателем; позже он играл видную роль в Новом Свете. Здесь были также де Жонвиль – высокомерный и фатоватый молодой человек, старше меня на несколько лет; его всегда находили в наиболее опасных местах; он обладал надменными манерами, женственным лицом и жгучими, черными глазами. Несмотря на то что он был блестящим и храбрым фехтовальщиком, он мне не нравился за свое высокомерие. Кроме них были еще д'Улли – человек средних лет, спокойного вида; де Бодьер – угрюмый, некрасивый старый вояка времен короля Франциска; де Легранж – болтун, не заслуживающий доверия, и, наконец, капитан Альберт де ла Пьерра – человек лет сорока, воинственного вида и жестокого, непреклонного характера, за что он впоследствии дорого заплатил.

В то время когда я и Белькастель стояли и болтали со всеми этими лицами, я заметил, к моему удивлению, впереди одной группы безобразную фигуру в полинявшей синей одежде; его единственный глаз был устремлен на меня, и, когда наши взгляды встретились, он низко мне поклонился.

Я пошел через палубу по направлению к нему.

– Месье, – сказал я саркастически, приблизившись к нему, – я хотел бы знать, почему вы за последние четыре дня проявили такой живой интерес ко всем моим делам и откуда вы знаете мое имя?

– О, месье, вы ошибаетесь, – сказал он, пожимая плечами, как человек, оскорбленный несправедливым подозрением. – Что же касается вашего имени, то я вас сразу узнал, так как вы точное изображение вашего знаменитого отца – очень храброго и способного капитана, под

начальством которого я имел честь служить в армии герцога д'Ангьена. Ваш отец был очень любим своей ротой, месье, поэтому мне так хотелось видеть вас, чтобы узнать о своем командире, которым мы все восхищались. Не так ли, Пьер? – спросил он тут же стоявшего необыкновенно высокого и худого человека с черными, как бусинки, глазами и костлявым желтым лицом.

– Не стану этого отрицать, – сказал худой человек. Он громко выругался по-итальянски. – Мы совершили несколько славных походов под начальством нашего уважаемого капитана, а, Мишель? Какой благородный был человек, месье...

– Мой брат, месье, – сказал толстый Мишель, махнув рукой по направлению к говорившему. – Он также имел честь служить под начальством вашего отца. Кстати, могу я спросить, как здоровье вашего родителя, которого я так уважаю?

Эти слова возмутили меня своей неискренностью, так как мне казалось, что обилие слов было только средством скрыть какой-то затаенный смысл его интереса ко мне. Но я решил установить наконец истинную причину этого проявления интереса и заговорил с ним мягко.

– Ваше имя? – спросил я его.

– Мишель Берр, месье де Брео, старый солдат, который надеется пользоваться вашим покровительством ради вашего знаменитого отца.

Все это было сказано очень кротким, елеиным голосом, но искренность опровергалась насмешливой иронией, появившейся в его единственном черном глазу.

Я заметил приближавшегося Мартина Белькастеля и, подавив в себе сильное желание выдрать за уши этого толстого насмешника, сказал ему, что отец мой умер месяц тому назад. Подошедший Мартин взял меня под руку, и мы возвратились к группе лиц, находившихся на шкафуте.

В то время как я был занят таинственным Мишелем, приготовления быстро подвигались вперед как на «Тринити», так и на двух небольших судах. На палубе происходила большая суэта. Два матроса стояли наготове у румпеля, а впереди раздавалось громкое бряцание цепей и блоков: поднимали якорь. Наконец, паруса надулись, и выстрел из одной из медных пушек, находившихся на приподнятом носу судна, известил о нашем отплытии. Из всех судов, стоявших в гавани, последовали ружейные ответы. Наши суда-спутники заняли места по бокам. На фок-мачте распустилось рыцарское знамя адмирала де Колиньи, а на грот-мачте развевался флаг его величества Карла IX. Так, направляя наши суда в неведомые, туманные дали Атлантики, мы направились в неизвестность.

Суэта на судне так привлекла мое внимание и возбудила такой живой интерес, что я возвратился с палубы только к обеду. Морской ветерок возбудил во мне аппетит, и я усердно принялся за еду в компании Мартина и других. Время от времени я замечал, что Мартин наблюдает за мною со странным блеском в задумчивых глазах и с еле заметной улыбкой, но тогда я не придавал этому значения. Часа через три, когда мы вышли в открытое море и встретились с настоящими волнами, мне казалось, что я уже никогда больше не буду думать о еде, и для меня стал понятен насмешливый взгляд Мартина. В течение двух дней каждый час казался мне уже последним моим часом, но на третий день я себя почувствовал лучше, и с тех пор я никогда не страдал морской болезнью.

В течение двух недель была прекрасная погода с благоприятными ветрами, и мы успешно подвигались вперед. Я как-то передал Мартину свой разговор с Мишелем Берром, и он похвалил меня за мою предосторожность.

– Если бы вы обошлись с ними грубо и рассердили их, – заметил он, – вам ничего не удалось бы узнать, и они могли бы напасть на вас врасплох. Но теперь, – продолжал он шутиливо, – они не могут называть вас Красным Петушком, потому что вы сразу достигли благоразумия орла. Эти плуты никогда не служили под начальством вашего отца. Я был помощником Жерве де Брео во время итальянской кампании, и я узнал бы этих людей, если бы они были

в его отряде, но, насколько мне помнится, я их никогда не видел. Будем прислушиваться и присматриваться, может быть, нам и удастся что-нибудь выяснить.

В те дни, когда море было бурным, мы играли в одной из кают в карты или кости; а в солнечные дни, когда море было тихо и можно было спокойно ходить по палубе, мы с Мартином упражнялись в фехтовании, и это дало мне возможность изучить чудесные приемы моего друга. То, что я до сих пор видел, было ничто в сравнении с его искусством. Его приемы были своеобразны, очевидно, без системы и правил, но были им так усовершенствованы, что могли наносить смертельные удары. В добавление к своей своеобразной манере, он обладал стальной кистью и безошибочным глазом, и в результате противник никак не мог попасть в него в то время, как он наносил удар за ударом, куда хотел.

В этих небольших развлечениях протекали наши дни в течение нескольких недель. Но вот однажды ночью с севера налетел на нас сильный шторм, и, не будь мы тогда под спущенными парусами, погибла бы вся экспедиция. Волны поднимались так высоко, что разбивались о нижние палубы и затопляли лошадей и рогатый скот, находившиеся в трюме. Нашим двум небольшим судам было очень трудно бороться со штормом, их почти покрывали громадные волны. Но наш флот доказал свою прочность и пригодность к морской службе. Шторм продолжался два дня, а на третий мы попали в густой туман, который, как объяснил мне капитан Рибо, произошел от встречи теплого течения с более холодным. Он заметил, что это хороший признак, так как теплое течение проходит обычно близко от берега, который мы теперь разыскиваем. Он также указал на то, что воздух становится теплее, и предсказал, что через неделю мы увидим землю. После этого матрос постоянно дежурил на верхушке мачты, чтобы немедленно известить нас при виде земли.

Воздух становился теплым и благоухающим. Дни были солнечные, а ночи звездные. В одну такую ночь я сидел у подножия грот-мачты в тени, отбрасываемой от большого паруса, находившегося надо мною – твердого, как железо, когда он надувался свежим ветерком, – и прислушивался к заглушенному смеху, раздававшемуся из кают на корме, к скрипу реек и к унылому гудению ветра сквозь снасти. Волны, нагоняя друг друга, мелодично ударялись о нос «Тринити». Мысли мои были далеко. Они совершили длинное путешествие обратно, в тихий сад Парижа. Думает ли она так же часто обо мне, как я о ней? Или, может быть, в этой гордой головке мысль обо мне никогда и не появляется?

Внезапно донесшийся до меня шепот прервал течение моих мыслей.

– Все в свое время, Пьер, – зашептал чей-то голос, – не давай своему жадному сердцу отступить от нашей цели.

Я тихо повернулся и посмотрел на мачту. Там обрисовался круглый силуэт человека, возле которого возвышалась, забавная в своем контрасте, невероятно высокая, угловатая фигура. Братья Берр!

– Но, Мишель, – начал грубым голосом Пьер, – мы должны...

– Все в свое время, мой друг, – прервал его другой. – Ничего не надо делать второпях. Мы это должны провести правильно, не то нас постигнет неудача. Ведь наша цель получить сведения, а не удары. Вы любите получать удары, Пьер? – спросил Мишель голосом, полным иронического презрения. – Только помните, – продолжал он, – этот Белькастель настоящий демон, а мальчик едва ли...

Они стали спускаться по лестнице к своим местам на носу судна, и я ничего больше не мог слышать.

Мартин, выслушав мой новый рассказ о братьях Берр, посоветовал молчать и продолжать свои наблюдения.

На следующее утро мы увидели стаю чаек, а после полудня часовой на мачте, к нашей общей радости, крикнул: «Земля!» Через несколько минут мы отчетливо увидели синюю линию берега.

Глава V

Форт в пустыне

В том месте, где мы достигли берега, в море впадала река; мы заметили в ней сильное волнение, как потом оказалось, от резвых прыжков многочисленных дельфинов, почему мы и дали ей название река Дельфинов. Всю ночь, возбужденный перспективой близкой высадки, я не мог уснуть; мое воображение рисовало чудесные картины, которые я увижу на этом чужом берегу. О, если бы я мог предвидеть будущее, мое настроение, вероятно, было бы далеко не такое радужное!

На рассвете все были на палубе; близость земли вселила глубокую радость в наши сердца; мы ликовали, что скоро снова очутимся на твердой земле.

Капитан Рибо наблюдал за погрузкой на одну из шлюпок большого каменного столба, на котором были высечены гербы Франции и который он намеревался водрузить в этой новой стране, объявляя ее собственностью Франции. На расстоянии полумили видны были широкое устье большой реки и белые вершины бурунов, которые пенились, встречаясь с океаном.

Капитан Рибо решил, перед тем как направить суда в реку, исследовать это место; с этим намерением мы и отправились на небольших шлюпках сейчас же после восхода солнца. Когда солнце взошло, море от первых его лучей превратилось в тяжелое литое золото; небо было темно-синим, а воздух нежно-ароматный был удивительно прозрачен. Впереди нас линия бурунов преграждала дорогу к тихой речке, которая сонно текла между двумя полосками земли и вливалась в беспокойное море. На север от реки лежал, казавшийся беспредельным, громадный солончак; небольшие лужи блестели сквозь густой ряд произраставших здесь злаков; к югу виднелась густая чаща громадных деревьев, кустарников, ползучих растений, обвитых чохлым волосистым мхом, что придавало большим деревьям вид очень старых, с седыми бородами людей, осужденных вечно стоять на берегу угрюмой реки.

Все это ярко обозначилось перед нами, когда мы приблизились к линии волн, пенящихся при впадении реки в океан.

После непродолжительного маневрирования мы нашли широкий и спокойный проход. Капитан боялся, что он недостаточно глубок для «Тринити». Под прозрачной водой легко можно было различить острые, подобно клыкам, жесткие выступы скал. Но мы спокойно вошли в тихие воды реки – реки Май, как называли мы ее, так как это произошло в первый день мая.

Мы прошли около полумили по этой тихо текущей между пустынным солончаком и таинственным молчаливым лесом реке, пока нашли подходящее место для высадки. Шлюпки причалили к берегу, и матросы по указанию капитана Рибо выгрузили и установили каменный столб в лесу, на небольшой прогалине. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь темную листву деревьев, залили открытое место, где мы стояли, и, ярко отражаясь на полированной стали кирас и шишаков, осветили напряженные лица нашей команды. Все мы серьезно и сосредоточенно слушали капитана Рибо, который торжественно объявил это место собственностью французского короля. Один только Мишель Берр с насмешливой улыбкой на толстых губах, подобно уличному шуту, смотрел в упор на меня.

Вдруг на прогалине появились девять обитателей этой страны. Один из них поднял руку в знак мира, и Жан Рибо пошел ему навстречу. Туземец был высокий мужчина темно-медного цвета, без бороды; его величественная наружность обличала в нем человека, имеющего власть; черные глаза его были пронзительны и бесстрашны. Очевидно, это был их вождь. На нем был красивый головной убор из крашенных перьев и плащ из того же материала нежного оттенка с золотыми украшениями; его крепкие голени были обтянуты полотняными обмотками, а ноги

обуты в мягкие – цвета лани – замшевые сапоги, украшенные цветными застёжками и узорами из перьев.

Он обратился к нашему капитану с речью на странном гортанном языке, которого никто из нас не мог понять. Жан Рибо покачал головой, но поднял руку, что должно было означать, что мы миролюбивы. Позади своего вождя в такой же одежде, но менее пышной, молча и внимательно наблюдая за каждым нашим движением, стояли остальные туземцы. Капитан и высокий дикарь стали объясняться знаками, наконец, вождь, указывая на себя, произнес:

– Сатурион.

– Ами! Ами! (Друг! Друг!) – ответил наш капитан, указывая на всю нашу группу, чтобы этим уверить Сатуриона, что мы друзья. После этого произошел обмен подарками. Таким образом установлены были дружественные отношения с этими дикарями.

Мы расстались с самыми лучшими чувствами и возвратились на ожидавшее нас судно.

Когда мы вновь очутились на «Тринити», был созван совет, и после долгих дебатов было решено продолжать искать более удобное место для основания колонии, так как это место представляет трудности для плавания больших судов. Один только де Лодоньер высказался за дальнейшее исследование реки Май, уверяя нас, что дальше, внутри страны, мы навряд ли найдем удобное место. С ним, однако, не согласились, и после полудня мы при благоприятном легком ветре направились на север, проходя вдоль малоинтересного плоского берега с несколькими мелководными и незащищенными гаванями. Так мы шли до тех пор, пока на следующее утро не увидели по низкой береговой линии пролив, который оказался большой и прекрасной гаванью. Проникнув глубже, мы нашли прекрасную реку и много маленьких, лениво извивавшихся речек, окружавших болота.

В этом месте мы решили обосноваться и в полдень бросили якорь вблизи одного из островов значительной величины.

Разделившись на партии, мы для внимательного исследования окружающей местности отправились на шлюпках по большой и некоторым маленьким речкам. На долю Белькастеля, де Жонвиля и меня выпала работа по исследованию острова. К концу третьего дня все благополучно возвратились и доложили обо всем капитану Рибо. На основании наших сведений капитан Рибо решил основать колонию именно на острове, а не на материке, так как здесь были лучшие виды на пригодную для обработки землю.

Таким образом, началась работа по созданию для нашей защиты форта. Некоторым группам было поручено тесать бревна, другим ставить их на место. Работа быстро подвигалась вперед, и в короткое время форт Карла – как Жан Рибо назвал его в честь короля Франции – стал оформляться, и дома за оградой стали обитаемы.

Мне и Белькастелю, как людям, умевшим обращаться с самострелами, поручено было охотиться в лесах, и наши запасы стали пополняться свежим мясом. В первое время мы оказались плохими охотниками: в бесконечных в этих густых чащах сумерках, измученные тысячами насекомых, окруженные застоявшимися зловонными болотами, мы были подобны заблудившимся детям. Инстинктивно прокладывали мы себе дорогу и часто вынуждены были проводить много неприятных ночей в этой отвратительной дикой местности, среди ужасов и опасностей, которые нам и не снились. Среди тихих ручейков, предательских болот и громадных деревьев мы стояли на высоких корнях, выступавших из дрожащей поверхности болотистой почвы, слушали удивительно мелодичное пение неизвестных нам птиц, видели странных, опасных гадов и разных зверей. Здесь мы научились осторожно ступать по шелестящему грунту лесов, искусно охотиться, молчаливо гнать нашу лодку по тихим речкам, ловя разную рыбу. Но зато нашей дичи и многочисленных подарков, приносимых соседними жителями, было вполне достаточно для всех нас.

Однажды в полдень мы плыли в нашей лодке по тихой поверхности одной речки и услышали шум голосов в валежнике справа от нас на берегу. Я посмотрел на Мартина, сидевшего

на корме; он тихо покачал головой и приложил палец к губам. Когда мы бесшумно подошли под спустившуюся ветку, я схватился за нее и задержал движение лодки.

– Красный Петушок, а? – были первые слова, услышанные нами. – Мы сворачивали шею и покрепче...

– О брат мой, каким удивительным тупоумием благословил тебя Господь, – прервал его насмешливый голос. – Рана в голове ничего тебе не даст! Мы должны взять мальчика живым, или мы никогда не узнаем его тайны.

– Ты довольно долго говоришь все об одном и том же, – ответил другой. – Но как? Отвечай, ты ведь так умен!

– Мы должны ждать, глупец! Кто-нибудь увидит...

В эту минуту ветвь из моих рук со свистом поднялась вверх. Наступило молчание, а затем послышался топот ног по мягкой земле.

Я вскочил на ноги, но Мартин усадил меня раньше, чем я успел исполнить мое намерение: выскочить на берег и преследовать заговорщиков. Сильным ударом весла он двинул лодку в узкое пространство воды, окруженное густой листвой. В течение нескольких минут мы не проронили ни слова, продолжая двигаться молчаливо вниз по течению.

– Один из этих людей охотно свернул бы вам голову, Блез, и он сделал бы это, если бы захватил вас врасплох, – заметил, наконец, Мартин. – При первой встрече я постараюсь узнать, видели ли они нас.

Во время послеобеденного отдыха мои мысли были заняты странными и непонятными для меня словами Мишеля Берра (я сразу узнал его голос). Он упоминал о какой-то тайне, о которой я сам ничего не знал. Мартин успокаивал меня, уверяя, что время и терпение несомненно разрешат эту загадку.

Вечером, по возвращении, мы встретили у ворот форта Карла и Мишеля Берра. Последний елейным голосом осведомился об успехах нашей охоты. Белькастель спокойно и вежливо ответил, что южная часть реки, где мы пробыли все послеобеденное время, показалась нам не особенно хорошей. В единственном глазу Мишеля сверкнуло выражение облегчения: в действительности мы провели это время в северной части реки.

Глава VI

Бунт

Вскоре Жан Рибо объявил о своем намерении возвратиться во Францию за новыми припасами, предложив недовольным колонистам отправиться с ним. Однако большинство выразило желание остаться в Новом Свете. Между ними, конечно, были Мартин Белькастель и я. Капитан Рибо выступил с серьезной речью перед всей колонией; он доказывал необходимость обработки земли и обращал внимание на те прекрасные результаты, которые получаются при усердной обработке земли этой девственной страны. Он назначил де ла Пьерра начальником, предоставив ему полную власть поступать так, как он найдет нужным в интересах каждого из колонистов. Наконец, он отплыл, обещав вернуться поздней осенью.

Через месяц после ухода Жана Рибо в колонии поднялся дух возмущения против тяжелой, непрерывной работы, требуемой от всех де ла Пьерра, который железной рукой заставлял исполнять свои приказания. Колонисты не хотели понять, что им руководило исключительно чувство долга и желание, чтобы колония прогрессировала. Как военный человек, он знал только закон казармы и лагеря – суровый закон военных правил. Вначале украдкой шептались, а затем стали говорить открыто. Люди тайно оставляли остров и направлялись к краснокожим, где безуспешно разыскивали золото; работа по очистке и обработке земли была запущена. Медленно, но неуклонно положение подвигалось к неизбежному концу – открытому разрыву между начальником и командой.

Такое отношение колонистов заставило капитана де ла Пьерра решительно заявить, что каждый, кто без разрешения оставит остров, будет обвинен в мятеже и без суда казнен. Мартин Белькастель увещевал колонистов, но безрезультатно – и его и меня так же возненавидели, как и начальника. Вдохновителями этих дурных чувств были братья Берр, причем главным руководителем, как это ни странно, был худой Пьер, в то время как его язвительный брат Мишель шнырял по острову своими легкими кошачьими шагами.

При каждой встрече Мишель приветствовал меня с той преувеличенной, покорной вежливостью, от которой так сильно отдавало насмешливой неискренностью. Временами мне казалось, что я различаю в его единственном беспокойном глазу, когда он останавливался на мне, недоуменный и пытливый взгляд.

Минули лето и осень, и наступила мягкая, благотворная зима. Запасы наши уменьшались, и мы тщетно высматривали, не появятся ли на горизонте паруса Жана Рибо. Люди, под суровым управлением капитана де ла Пьерра, сделались мрачными и угрюмыми, хотя по необходимости подчинялись его приказаниям.

Но вот полускрытая ненависть стала приближаться к своей ужасной развязке.

Однажды, возвратившись с охоты за дичью в болотах, Белькастель узнал от де ла Пьерра, что он поймал Пьера Берра, возвратившегося из запрещенной экспедиции, и что он намерен дать «урок этим мятежным собакам». Короче говоря, Пьер Берр должен быть расстрелян на рассвете следующего дня.

Белькастель выслушал это сообщение без всяких замечаний, но после совместного обсуждения мы решили уговорить нашего начальника изменить свое намерение и этим отвлечь неминуемую катастрофу.

Однако де ла Пьерра проявил особое упорство в этом вопросе. Он напомнил Белькастелю, что дисциплина должна быть поддержана. Его суровое солдатское лицо с тонкими черными усами, аккуратно подстриженной бородой, выдающимися челюстями и строгими, черными глазами выражало непреклонную волю.

– Но вы ведь не командуете солдатами, месье! – сказал Мартин.

– Мое решение неизменно, месье Белькастель, – ответил де ла Пьерра коротко.

– Месье, – возразил Мартин вежливо, но настойчиво, – мое мнение таково, что вы собираетесь совершить опрометчивый шаг, и я боюсь, что к утру поднимется такой мятеж, подобного которому никогда никто не видел, – и это может стоить жизни нам троим.

Де ла Пьерра, опустив голову, ничего не ответил, и мы оставили комнату. На пороге мы столкнулись с Мишелем Берром, который, по-видимому, наблюдал за нами через окно. По своему обыкновению, он низко поклонился, но ничего не сказал. Его лицо было мрачно, и черная повязка на глазу придавала ему особенно злое вид.

Узкая дорога была полна возбужденно разговаривающими людьми. При нашем приближении говор умолк, но возобновился еще громче, когда мы прошли. Мы служили мишенью для многих наглых и насмешливых взглядов и замечаний, но попыток напасть на нас не было.

Добравшись до нашей квартиры, Мартин заметил, что нам следует быть готовыми ко всему и поэтому было бы хорошо поместить нашу лодку в укромном месте, откуда мы могли бы совершить побег.

– Имейте в виду, – заключил он, – что к восходу солнца будут серьезные неприятности.

– Нет, Мартин, – воскликнул я, – мне неприятно удирать! Останемся здесь и будем сражаться. Мы сумеем противостоять этому сброду.

Мартин улыбнулся:

– Все еще Красный Петушок, а? Ну хорошо, пусть будет так. Посмотрим на рассвете. Тем не менее я передвину лодку, это не повредит, – сказал он и вышел.

После его ухода я уснул и видел во сне мрачное, насмешливое лицо одноглазого человека, милую девушку в тихом саду, жесткое, непоколебимое лицо капитана де ла Пьерра. Было еще темно, когда, проснувшись, я увидел стоявшего возле меня Мартина.

– Спит мертвым сном, – сказал он смеясь, – как будто он в безопасности в доме родного отца, а не в пустыне, окруженной врагами. Вставайте, Блез, вставайте.

Я сразу поднялся.

– Вот так будет лучше. Возьмите шпагу и меч – они будут нам нужны, – продолжал Мартин.

Когда мы вышли, был холодный рассвет; слабый желтый свет виднелся на востоке, где солнце храбро пробивалось сквозь хмурые тучи, висевшие над морем. Дул холодный ветер. Мы направились к небольшой площадке в центре форта, где уже собралось большинство колонистов. Они стояли молчаливой группой. Мы заняли место в стороне от них близ бревенчатой постройки. Мишеля Берра нигде не было видно.

Через несколько минут появился осужденный, сопровождаемый четырьмя солдатами, которые еще остались верны своему начальнику. За ними шел капитан де ла Пьерра с обнаженной саблей. Пьер Берр обнаружил удивительное спокойствие перед лицом смерти и, как казалось, даже бравировал, так как на его жестком лице появилась широкая улыбка, и выступал он твердым шагом. Никто не произнес ни слова, когда осужденного поставили на место и небольшой вооруженный отряд занял свои позиции. На один момент я почувствовал жалость к этой одинокой фигуре, стоявшей перед мушкетами.

В это время капрал повернулся к капитану де ла Пьерра и громко произнес:

– Капитан, мы не можем стрелять в этого человека, потому что он ничего не совершил такого, чтобы быть осужденным на смерть.

Улыбка на лице Пьера Берра сделалась нагло широкой. Теперь я понял причину его бравады – он знал, что солдаты откажутся исполнить приказание начальника.

После слов капрала суровые черты капитана исказились страшной яростью. Он быстро вложил в ножны обнаженную саблю и раньше, чем кто-нибудь успел двинуться с места, вырвал из рук капрала мушкет, прицелился и выстрелил. Улыбка исчезла с лица Пьера и заменилась выражением удивления и ужаса. Медленно он стал опускаться на землю.

В этот момент что-то вспыхнуло, и раздался острый, визжащий свист стрелы. Капитан де ла Пьерра упал, корчась и содрогаясь от тяжелой стрелы, искусно направленной в его горло. Ловкого стрелка не было видно. Наступила полная тишина.

Но вот раздался хор беспорядочных криков, и толпа стала расходиться группами: одни направлялись к спокойно лежащему Пьеру, другие к месту, где лежал капитан в предсмертных мучениях; третьи направились через открытую площадку по направлению к нам. Я стоял, разинув рот, пораженный всем происшедшим. Белькастель коснулся моей руки.

– Пора уходить, Блез, – сказал он спокойно.

Схватившись за шпаги, мы пустились бежать.

Минуя ворота, Мартин круто повернул на восток, направляясь к низкому холму. С трудом поднимались мы по длинному откосу; позади слышны были крики преследователей. Наконец мы добрались до вершины, и я, измученный, стал всматриваться в даль в надежде увидеть паруса Жана Рибо; но широкое, бурное от сильного ветра море было пустынно. Все кругом было серо; солнце скрылось за тяжелыми, грозными тучами. Мы бросились в густой кустарник, Мартин впереди, я за ним, а на расстоянии не более пятидесяти шагов от нас – наши враги.

У подошвы холма, в тенистой бухточке, мы нашли нашу лодку. Над нами, на склоне холма, показалась погоня. Но мы уже успели отвязать лодку и, быстро отпихнув ее, стали удаляться от острова.

Когда мы приблизились к большой скале, защищавшей вход в бухточку, Мишель Берр внезапно появился на ее вершине. Его единственный глаз свирепо сверкал из-под его грубой черной шляпы, а в руке он держал самострел.

– До свидания, господа! – крикнул он. – До следующей встречи!

Затем, заметив, по-видимому, сомнение на моем лице, он добавил:

– О, мы встретимся, месье Брео, мы еще встретимся!

Эти слова прозвучали пророчески, и я невольно поверил им. Мартин презрительно улыбнулся; на скале никого уже не было – неуклюжая фигура исчезла.

– Наш толстый друг, кажется, так же хорошо пророчесствует, как и занимается тайнами, – сказал Мартин после некоторого молчания. – Людей, подобных нам, не так-то легко убить, а сам Мишель Берр, уж наверное, живуч, как кошка.

– Без сомнения, он опасный человек, – сказал я, вспомнив смерть де ла Пьерра и оружие в жирных руках Мишеля.

Будучи плохими моряками, мы решили плыть по свежему ветру, для чего поставили короткую мачту и подняли паруса, заранее приготовленные. Мы вышли из гавани в открытое море и направились вперед, вдоль берега, на север. Ветер усиливался и переходил в шторм. Весь день мы плыли по бурному зимнему морю; лодка наша качалась и ныряла в громадных волнах, каждую минуту грозивших захлестнуть нас. Быстро стало темнеть, и мы стали высматривать удобное место для высадки, но кругом виднелся лишь отлогий берег, о который свирепо разбивались шумные буруны.

Вдруг раздался резкий звук под нами, лодка поднялась почти перпендикулярно; я получил сильный удар по голове и был выброшен в море.

Глава VII

Санги

Когда я пришел в себя и открыл глаза, солнце ярко светило, а шум бурунов отдавался в моих ушах. Мартин Белькастель стоял наклонившись надо мною с встревоженным лицом. Как только он увидел мои открытые глаза, лицо его прояснилось и он весело улыбнулся мне. Но вдруг он вскочил и быстро помчался вниз по свободному от валунов берегу, размахивая руками и громко крича:

– Черт возьми! Они заставят нас умереть с голоду.

Я сразу поднялся и увидел тучу чаек, поднявшихся с песка при приближении Мартина. С большим трудом мне удалось встать на ноги, так как в каждом мускуле я чувствовал сильную боль, но кости мои, чему я был очень рад, были все целы. Я напряг все усилия, чтобы проковылять к тому месту, где Мартин, стоя на коленях, рассматривал что-то, лежащее перед ним.

Болота распространяли резкий запах; над нами качались длинные листья величественных деревьев, тонкие и стройные стволы которых поднимались на большую высоту без единой ветки; позади них простиралась запутанная чаща джунглей, безмолвных и мрачных.

Море все еще было сердитое, и громадные буруны разбивались о берег.

Я стоял ошеломленный этой картиной и недоумевал, каким образом я попал на землю. Высоко на мели я увидел нашу лодку с пробитым носом и в таком состоянии, что не было надежды исправить ее.

Приблизившись к Мартину, я нашел его внимательно рассматривающим большое количество бисквитов и сушеного мяса, которое он разложил на земле для просушки.

– Еще одно такое посещение этих чаек, – заметил он сурово, – и мы действительно окажемся в плохом положении. О, я рад видеть вас на ногах. Трудная была работа – я боялся, что мы никогда не достигнем берега!

– Я ничего не помню, – сказал я. – Расскажите, как я очутился тут.

– Не стоит, – ответил он, – мы здесь и за это должны быть благодарны судьбе. После того как наша лодка ударилась о скалы и мы были выброшены в море, было сомнительно, увидим ли мы когда-нибудь восход солнца.

– Я обязан вам жизнью! Вы вынесли меня на сушу.

– Нет, Блез. Я только оказал вам посильную помощь и заботился о своей собственной шкуре. Но что делать дальше? К счастью, мы не без запасов, так как в лодке сохранились наши самострелы и шпаги, а также немного провизии.

Я очень обрадовался, услышав, что моя шпага с прекрасным лезвием, служившая так долго нашей семье, не погибла. Я поспешил достать ее из небольшой кучки наших вещей, вытер лезвие и очистил его от ржавчины.

Однако положение создалось для нас серьезное, и мы долго обсуждали планы будущего. Мартин был за то, чтобы углубиться в лес, а я считал лучшим оставаться близ моря, питая при этом надежду на появление судна капитана Рибо, которое подобрало бы нас при своем возвращении.

Мартин печально улыбнулся:

– Это очень слабая надежда, мой мальчик. Что-то его задержало, иначе он давно бы возвратился. Может быть, кораблекрушение? Мы не должны скрывать от себя истины: мы в плохом и затруднительном положении. В одном вы правы: мы будем придерживаться берега, пока не достигнем реки; было бы очень трудно проникнуть в эту болотистую страну пешком.

– И тогда, – сказал я весело, – мы будем плавать по реке и жить вдали от земли, как армия герцога д'Ангьена жила вдали от Италии.

– План хорош, – сказал, смеясь, Мартин. – Теперь пойдёмте, месье де Брео.

– Сейчас, месье Белькастель. Только не торопитесь, бедное мое тело чувствует себя так, как будто было избито сотней дикарей.

И мы отправились по плотному песку взморья в северном направлении. Одежда моя вылиняла и загрязнилась от соленой воды; на дублете образовалась большая дыра, шляпа исчезла, а сапоги были в таком состоянии, что к концу дня я оказался босым – от Красного Петушка осталось теперь очень мало. Мартин был не в лучшем положении, и мы походили не на французских джентльменов, предпринявших большое и отважное путешествие, а скорее на пару одиноких, беспомощных бродяг.

После обеда, состоявшего из бисквитов и сушеного мяса, мы улеглись спать на песке. Резкий ночной ветер и боль в ногах от долгой ходьбы не дали мне отдохнуть, но надо было идти дальше.

На третье утро мы очутились у довольно значительной тихой реки, преграждавшей нам дальнейший путь. Для нас стало очевидным, что без лодки мы дальше не сумеем продвигаться, преодолеть же густую массу растительности, прилегающей к реке, было явно невозможно. Мы остановились и стали печально оглядываться кругом.

Мартин сел на землю и стал рассматривать свои израненные и воспаленные от долгой ходьбы без сапог ноги; я присоединился к нему и через короткое время уснул на теплом песке. Когда я проснулся, солнце было уже высоко; недалеко Мартин спал крепким сном. Я разбудил его, он быстро сел, улыбнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица.

– Черт возьми, Блез! Вы разбудили меня не вовремя! – закричал он печально. – Я как раз в это время обращал Франсуа де Гиза в истинную веру – с помощью шпаги, и в благодарность он пригласил меня обедать с ним. Мы как раз с аппетитом обедали, когда вы...

– Я разбудил вас, чтобы вы разделили со мной мой банкет, – прервал я его. – Мартин, я чувствую большую пустоту в желудке.

– Ладно, наш обед не так хорош, как тот, который я видел во сне, но необходимо сделать из него наилучшее употребление, – ответил он философски, доставая в это время узел с едой.

Узел оказался очень легким. Мы стали его осматривать со всех сторон и увидели дыру в парусине, откуда выскочила большая откормленная полевая мышь. Мартин уронил пустой узел, посмотрел на мое удрученное лицо и разразился громким смехом.

– Так как с банкетом покончено, мы должны решить, что нам дальше делать, – сказал Мартин.

Серьезный вид его и торжественный тон показались мне страшно комичными, и я в свою очередь громко расхохотался.

Бросив случайно взгляд на реку, я вздрогнул от неожиданности: две большие лодки пробивались сквозь густую траву, росшую у берега. В них сидели шесть украшенных перьями дикарей, рассматривавших нас с любопытством. Я вскочил и схватил лежавшую на земле шпагу, намереваясь обнажить ее, но Мартин поднялся на ноги и положил свою руку на мою.

– Эй вы, молодой Петушок! – сказал он сурово. – Уберите свою шпагу. В данном случае в ней нет надобности. Мы должны быть миролюбивы с этими дикарями.

Краснокожие высадились на берег и медленно двинулись по направлению к нам. Мартин пошел к ним навстречу, держа свои безоружные руки над головой. Молодой дикарь, бывший впереди, ответил тем же знаком. Когда они подошли ближе, дикарь остановился и приветствовал Мартина на своем гортанном языке. Мартин качал головой и делал знаки дружелюбия, в то же время повторяя: «Ами, ами» («Друг, друг»). Затем начался длинный разговор посредством знаков. На гладком песке Мартин нарисовал чертеж форта и подробности нашего побега. Дикари внимательно следили за его рисунками, и, когда Мартин изображал на песке наши приключения, дикари утвердительно качали головой, показывая этим, что они понимают.

Наконец мы все встали, и Мартин, сделав гримасу, потер свой живот, показывая этим, что он голоден; на это наши новые знакомые опять покачали головой и указали на две лодки, привязанные у берега.

Мы вопросительно посмотрели друг на друга.

– Кажется, единственное, что мы можем сделать, Блез? – спросил Мартин.

Я утвердительно кивнул, и мы, собрав наши скудные пожитки, отправились с краснокожими.

Так началась наша жизнь среди этих варваров, которые доказали нам впоследствии, что они такие же люди, как и мы.

Все время после полудни мы двигались по широкой, протекавшей между темной зеленью джунглей реке. Громадные гады грелись на солнце на илистых берегах, и птицы яркого оперения порхали с дерева на дерево. В течение всего этого времени дикари без отдыха гребли; я восхищался терпением и ловкостью, с какой они правили своими лодками. Тонкие, мускулистые, они гребли дружно и молча. Лодки двигались уверенно вверх по течению сквозь висевшую в неподвижном воздухе серую мглу. Мы проезжали мимо бесчисленных черепах, спавших на бревнах, наполовину погруженных в воду; а однажды громадная змея темно-бурого цвета проворно скользнула в воду при нашем приближении.

Сердце мое замирало, когда я смотрел на непрерывную цепь сучковатых корней, искривленных стволов с зелеными листьями, задрапированных серебристым мхом; на зловонные пруды, посещаемые неизвестными мне обитателями, сверкавшие в полутьме. В этот момент Франция казалась страшно далекой; я боялся, что никогда не увижу ее благоустроенные поля и виноградники, ее прямые дороги и оживленные города; я был уверен, что глаза мои никогда не будут смотреть на то милое лицо, которое так часто рисовалось в моем воображении.

В то время как наши лодки плыли рядом, Мартин бросал мне случайные замечания, но большей частью мы молчали. Наконец, лодки направились к берегу, к месту, где стояло большое количество других лодок. Множество смуглых детей, игравших среди них, смотрело своими большими, черными, полными любопытства глазами на наши белые лица и странные одежды. Когда мы стали взбираться по легкому склону холма, ведущего к деревне, дети прыгали впереди нас, крича и указывая на нас пальцами. Жилища у этих дикарей были сделаны из древесной коры; женщины были заняты стиркой над костром против дверей в то время, как мужчины лениво бродили вокруг или разговаривали друг с другом. Волкообразные собаки бегали там и сям.

Мы остановились перед одной из хижин, значительно больше других, и дикарь, который нас вел, сделал нам знак ждать, а сам вошел внутрь. Через короткое время он снова появился в сопровождении высокого, пышно одетого дикаря; гордый вид и его умное лицо заставили Мартина сказать тихим голосом:

– Без сомнения, это их вождь.

Дикарь, приведший нас, говорил быстро, объясняя, по-видимому, наше присутствие, и вновь пришедший время от времени бросал в нашу сторону пронзительные взгляды. Через несколько минут он подошел к нам и поднял руку в знак приветствия; затем, указывая на себя, произнес: «Сапона», – подряд несколько раз. Мартин, подражая его жестам, назвал свое имя и мое. Затем по знаку нашего проводника мы последовали за ним к близстоявшей хижине. В ней ничего не было, кроме кож, и я, страшно уставший, немедленно бросился на них.

Я почувствовал жар, и страшная головная боль сверлила мою голову. Я сказал об этом Мартину, но не помню, получил ли я ответ от него, так как быстро заснул.

Когда я проснулся, Мартин Белькастель и пожилой дикарь старались влить сквозь мои стиснутые зубы какую-то противную жидкость, от которой я вначале отбивался, но потом с большим трудом проглотил. Туземец был украшен множеством странных эмблем, нашитых на его одежде; ряды зубов, когтей и блестящих камешков висели на его худой шее. Он провел

похожей на клещи рукой по моему лицу, которое было мокро от пота, быстро кивая. Когда он удалился, я спросил Мартина, кто это.

– Очень почтенный человек, – ответил Мартин. – Он главный лекарь в этой деревне и спас вашу жизнь лекарством из трав. Ваша болезнь, оказывается, знакома этому народу.

Мартин был в новой, из серой оленьей кожи, одежде, которую ему, как и мне, подарил вождь дикарей, и в новых замшевых сапогах. Мартин сказал, что этот народ называется санти; по-видимому, это мирное племя охотников, живущее дичью, рыбой и хлебом из какого-то странного зерна, которого он раньше никогда не видел.

Когда лекарь вновь пришел, он сделал мне знак следовать за ним, но я был так слаб, что едва мог подняться. Мартин помог мне, и мы пошли за ним к небольшой хижине из древесной коры, где стояла скамейка из веток и сделано было углубление, наполненное водой. Здесь мое голое тело завернули в одежды из перьев. Лекарь оставил меня, а вместо него пришли две женщины с горячими камнями, которые они опустили в воду. Хижина скоро наполнилась теплым паром, и я стал сильно потеть. Через некоторое время женщины опять вошли и, несмотря на мое сопротивление, сняли с меня все одежды и стали обливаться из больших тыкв холодной водой. Мартин все это время громко хохотал и подшучивал надо мною.

Постепенно силы мои восстанавливались, и я с интересом наблюдал новую для меня жизнь. Я видел, как женщины изготавливали красивые одежды из перьев, пояса и кушаки из волос с многочисленными разноцветными узорами, сапоги и одежды из оленьей кожи. Лодки, которые назывались кано, делались из одного куска дерева, выдолбленного при помощи огня.

Жизнь этих дикарей была проста: женщины обрабатывали землю, выделывали кожи, выполняли все домашние работы, а мужчины охотились в лесах и занимались рыбной, ловлей. Здесь я впервые наткнулся на странный обычай курения табака, и мне доставляло большое удовольствие наблюдать, как мужчины, отдыхая вечером перед хижинами, курили свои трубки с невозмутимым спокойствием и выпускали клубы дыма с величайшим равнодушием. Этот обычай у них так укоренился, что курение трубки употреблялось ими и во время совещаний как символ мира и братства. Я никак не мог привыкнуть к курению – едкий дым меня так раздражал, что я оставил всякую попытку приучить себя к употреблению этого зелья.

Силы мои совершенно восстановились, и я стал снова охотиться в лесу с Мартином. Окружавшие нас болота, вызывающие лихорадку, не вредили этому железному человеку, и он с большим увлечением отдался новой жизни.

Глава VIII

Крик совы

Прошло некоторое время, и мы перестали быть предметом удивления для туземцев, хотя к нашим упражнениям в фехтовании они никак не могли привыкнуть. Я устроил деревянные футляры для нашего оружия и, несмотря на то что тело мое было постоянно в синяках от наносимых мне Мартином сильных ударов, я все-таки старался научиться его небрежному, но смертельному методу. Эти схватки доставляли большое удовольствие нашим краснокожим друзьям. Мы же от них научились многим уловкам рукопашного боя, а также гребле и управлению лодкой. Это искусство нам вскоре очень пригодилось.

Однажды, будучи в нескольких ярдах от берега, Мартин каким-то образом опрокинул лодку, и, как только он появился на поверхности воды, вблизи него показалась одна из тех громадных чешуйчатых гадин отвратительного вида, которые так часто встречаются в этих водах.

– Черт возьми! Торопитесь, Мартин! – закричал я, схватив лежавшее на земле весло.

Мартин удвоил свои усилия, но чудовище настигало его. Я бросился на помощь, идя по мели у берега, крича и размахивая веслом. Мягкая, липкая тина заставляла меня медленно подвигаться вперед, но я поспел вовремя. Как раз в тот момент, когда гадина приблизилась уже к своей добыче, я схватил Мартина за его кожаную рубаху и стал тащить к берегу. Оттянув таким образом Мартина на несколько шагов, я быстро вонзил длинное ромбообразное весло в глубь раскрытой пасти чудовища. Мы побежали к берегу, где нас встретили изумленные всем случившимся дикари. Преследователь Мартина исчез из виду, а обломок весла плавал в недалеком от нас расстоянии на поверхности реки.

– О Блез, – сказал Мартин, обнимая меня, – вы герой!

Похвала эта из уст Мартина, человека, который на самые отважные поступки смотрел как на обыденное дело, была для меня особенно приятна.

Мягкая зима быстро прошла; наступила весна; женщины приготавливали зерна для посева; дни стали длиннее, и воздух был насыщен благовонными запахами.

Мартин изобрел из веревки календарь: он ежедневно прибавлял на веревке по узлу; таким образом, считая обратно до того дня, когда мы удрали от мятежников из форта Карла, мы знали точный счет месяцам. Время проходило для нас не бесцельно: мы многому научились у дикарей в искусстве охоты, и по мере увеличения нашей ловкости наши тела закалялись все больше и больше, и мы чувствовали себя отлично.

В апреле наступили сильные дожди; река вышла из берегов, и окружающие нас озера и заливы слились в одно большое водное пространство. Теперь на охоту мы отправлялись на лодках; охотиться же приходилось на далеком расстоянии от деревни, так как вода прогнала дичь на более высокие места. Во время охоты мы вместе с нашими друзьями-дикарями посещали разбросанные вдоль реки и между болотами меньших рек другие населенные сани деревни и находили в них ту же спокойную и мирную жизнь.

В мае мы заметили более активную деятельность в нашей деревне. Меха, одежды из перьев, вязанные волосяные пояса стали выноситься из хижин; чистилось оружие, и лодки приводились в должный порядок. Предстояло, по-видимому, путешествие.

Мартин, который успел больше в изучении их языка, навел справки у нашего друга – молодого дикаря, с которым мы встретились на песчаном берегу и которого звали Олень. Он сообщил, что в это время года они обыкновенно совершают путешествие в течение трех дней вверх по реке, где встречаются для торговли с племенем, живущим на расстоянии многих дней езды на запад. Нам также дали место в лодке Оленя.

Весь первый день мы двигались по мрачному болоту; на второй день вода стала чище, и согнутые, уродливые деревья болот уступили дорогу прекрасным сосновым и дубовым лесам. Наконец, на третий день, к заходу солнца, мы подошли к месту, где протекала чистая и быстрая вода, и высадились у слияния двух больших рек. Здесь мы стали ждать прихода людей с запада.

Вокруг нас лесистые холмы поднимались к туманным голубым высотам гор. Тайна, которую они скрывали, привлекала отважный дух Мартина, и он заметил, что было бы хорошо отправиться нам через эти горы и ознакомиться с лежащей за ними землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.